

КОММЕНТАРИИ К КРУГЛОМУ СТОЛУ «КОНКУРЕНЦИЯ И МОНОПОЛИЯ»

А.А. Тутов, Н.С. Павлова, МГУ им. Ломоносова; **Б.А. Лавровский**, Новосибирский государственный технический университет; **И. Гирсон**, Вестминстерский университет, Великобритания; **И.И. Максим**, Кооперативно-коммерческий университет Молдовы; **В.М. Фигуровская**, Новосибирский государственный университет экономики и управления; **Ю.Е. Фигуровская**, Новосибирский гуманитарный институт.

Обсуждаются вопросы эффективности функционирования монопольных и конкурентных рынков, а также практики антимонопольного регулирования на глобальных рынках и в России. Рассматриваются отношения и роль экономической теории в антимонопольном законодательстве и традиции правоприменительной практики по защите конкуренции на рынках.

Ключевые слова: монополия, конкуренция, олигополия, рынок, антимонопольное регулирование, нефтегазовый сектор, социальная ответственность компании.

Совершенствование антимонопольного регулирования на современном этапе

А.А. Тутов, Н.С. Павлова
tutov@econ.msu.ru

Поддержание картеля является одним из наиболее серьезных нарушений антимонопольного законодательства с точки зрения потерь общественного благосостояния. Эффект от данного нарушения в виде бремени дополнительных издержек может ощущаться достаточно широким кругом экономических агентов, не только фирмами, но и населением (примером служат недавние расследования Федеральной антимонопольной службы в отношении производителей гречневой крупы, операторов сотовой связи, нефтяных компаний). В связи с этим особое значение имеет принятие «третьего антимонопольного пакета» поправок, которое знаменует собой переход к относительно стабильным правилам игры в сфере антимонопольного регули-

рования. Поэтому представляется актуальным изучить инструменты регулирования в том виде, в каком они предстают с учетом вводимых новым пакетом поправок, с точки зрения стимулов, которые в дальнейшем будут создаваться ими для участников рынка.

Одной из сфер, претерпевших довольно значительные изменения за период активного реформирования антимонопольного законодательства, является борьба с ограничивающими конкуренцию соглашениями. Предотвращение и пресечение деятельности картельных соглашений позиционируется как приоритетное направление деятельности Федеральной антимонопольной службы. Вместе с тем борьба с картелями связана для антимонопольного орга-

на с едва ли не самыми высокими затратами по причине значительных издержек получения информации о зачастую тайных соглашениях между фирмами. Программы освобождения от ответственности, побуждающие фирмы признаваться в участии в картеле и идти на сотрудничество с антимонопольным органом в обмен на смягчение санкций, являются важным инструментом в арсенале средств антимонопольного регулирования.

Подобная программа была впервые введена в рамках российского законодательства в 2007 г. и затем кардинально пересмотрена в 2009 г. с введением «второго антимонопольного пакета» поправок. Однако в российской литературе по вопросам антимонопольного регулирования наблюдается недостаток исследований данных программ, которые бы позволили на теоретической основе выработать способы повышения эффективности их функционирования.

Программа ослабления наказания (в российской литературе больше принят термин «программа освобождения от ответственности») представляет собой инструмент антимонопольного регулирования, который призван создавать для фирм стимулы раскрывать информацию о своем участии в картеле и идти на сотрудничество с антимонопольным органом в обмен на снижение санкций. В самом общем виде снижение наказания в рамках подобной программы дается при условии, что фирма признает факт вступления в картель, отказывается от дальнейшего участия в нем и предоставляет имеющуюся у нее информацию относительно картеля в антимонопольный орган, который затем использует полученные сведения для доказательства сговора в рамках своего расследования. При этом каждая

фирма при принятии решения о вступлении в картель теперь обязана учитывать, что ее контрагент может найти для себя выгодным пойти на сотрудничество с антимонопольным органом, в результате чего контрагент может «выйти сухим из воды», избежав штрафа, а сама фирма будет вынуждена нести всю тяжесть наказания. Данное обстоятельство позволяет создать внутри картеля ситуацию, аналогичную ситуации одноходовой игры «дилемма заключенного». В итоге существование программы освобождения от ответственности должно приводить к ослаблению доверия внутри картеля, что выразится в снижении стимулов поддерживать существующий картель или создавать новый.

Хотя программы ослабления наказания призваны способствовать дестабилизации картелей, в действительности их внедрение способно создавать разнонаправленные стимулы для участников сговора. Перечислим основные из этих стимулов:

1) «эффект гонки в зал суда» («race to the courthouse effect») – стремление раньше других участников картеля обратиться в антимонопольный орган с признанием, с тем чтобы обеспечить себе максимальное снижение наказания;

2) «эффект амнистии всего картеля» («cartel amnesty effect») – общее снижение ожидаемого размера наказания за счет того, что каждый из участников принимает во внимание возможность с некоторой вероятностью воспользоваться программой и получить освобождение от ответственности;

3) «эффект амнистии нарушителя» («deviator amnesty effect») – возникающий у фирмы-нарушителя сговора стимул воспользоваться программой и «сдать» других участников картеля, чтобы самой получить

освобождение, с одной стороны, от санкций, налагаемых государством, а с другой стороны, от санкций, налагаемых другими участниками картеля за нарушение условий их соглашения;

4) эффект использования программы как инструмента наказания нарушителя условий сговора – в условиях существования программы, если участник картеля осуществляет ценовую подсечку, то другие участники могут наказать его не только путем возврата к некооперативной стратегии, но и путем доноса в антимонопольный орган. Тогда сами они (или только первый доносчик) получают освобождение от ответственности, а фирма-нарушитель будет нести санкции в полном размере;

5) эффект использования программы как инструмента конкурентной борьбы – схема предполагает завлечение конкурента в картельный сговор, чтобы затем, воспользовавшись программой, заставить конкурента нести всю тяжесть наказания. Данная стратегия в краткосрочном периоде способна привести к всплеску картельной активности, но в долгосрочном периоде фирмы станут с большей осторожностью относиться к предложениям о создании картеля;

б) стимулы сохранять улики, доказывающие создание картеля – во-первых, сохранение улик обеспечивает возможность получить освобождение от ответственности, предоставив их в антимонопольный орган; во-вторых, улики можно использовать в качестве «залога» для обеспечения достоверной угрозы наказания в случае, если контрагент нарушит условия картельного сговора. Легко видеть, что в первом случае улики сохраняются из-за стимулов к дестабилизации картеля, а во втором – напротив, к стабилизации;

7) «эффект выметания сора» («cleaning out the closet effect») – эффект возникает, если фирмы начинают использовать программу как «удобный» (позволяющий избежать санкций) способ выхода из тех картелей, которые уже не являются для них прибыльными;

8) «эффект брошенной кости» («throwing a bone effect») – в случае, если фирма участвует в нескольких картелях на разных рынках, ей может быть выгодно признаться в участии в менее успешном картеле, чтобы отвлечь ресурсы антимонопольного органа от расследования более успешного картеля.

Какие из данных стимулов, с точки зрения общества, следует поощрять, а какие, напротив, стараться нивелировать в рамках внедряемой программы ослабления наказания? Необходимо определить, какие из данных стимулов способствуют укреплению картелей, а какие, наоборот, отвечают целям их дестабилизации.

Очевидно, что однозначно менее устойчивыми картель делают эффект гонки в зал суда и эффект амнистии нарушителя. Стимул сохранять улики может способствовать как более эффективному раскрытию картелей, так и возникновению возможности своеобразного «шантажа» для обеспечения соблюдения условий сговора. Эффект использования программы в качестве инструмента конкурентной борьбы, как уже отмечалось, может расцениваться двояко; и хотя в долгосрочном периоде данный эффект способен снизить количество вновь создаваемых картелей, но в краткосрочном периоде могут иметь место существенные потери общественного благосостояния за счет завышения цен и снижения объемов производства в рамках создаваемых картелей, за счет отвле-

чения ресурсов (по крайней мере, на достижение самой договоренности). Кроме того, вменение дополнительных издержек конкурентам в виде штрафов может оказать необратимое отрицательное воздействие на конкуренцию. Таким образом, стимул использовать программы в качестве инструмента конкурентной борьбы следует скорее отнести к нежелательным.

К стимулам, приводящим к стабилизации картелей, относятся также эффект амнистии картеля, эффект использования программы в качестве инструмента наказания нарушителя, а также эффекты «выметания сора» и «брошенной кости». Последние два эффекта тесно связаны между собой, а также с проблемой ограниченности ресурсов антимонопольного органа. В обоих случаях ресурсы антимонопольного органа отвлекаются на борьбу с картелями, которые наносят относительно меньший ущерб обществу по сравнению с более «эффективными» картелями, внимание от которых уводится.

Принятая в нашей стране программа освобождения от ответственности имеет как положительные моменты, так и ограничения, создаваемые данной версией программы с точки зрения порождаемых ей стимулов для экономических агентов. Среди положительных моментов необходимо отметить тот факт, что принятая форма программы в целом согласуется с основной задачей предоставления амнистии за участие в картеле, а именно снижает доверие между участниками картеля, стимулируя каждую фирму «стучать» на своих сообщников по сговору (в отличие от версии программы 2007 г.). В то же время отрица-

тельные стимулы, возникающие в результате внедрения программы ослабления наказания, практически не сглаживаются с помощью внедрения тех или иных структурных альтернатив. Программа в том виде, в котором она предстает по итогам третьего пакета, создает достаточно сильные стимулы к манипулированию ресурсами антимонопольного органа для достижения целей картелированных фирм.

Однако парадоксальным образом существующие недостатки программы освобождения от ответственности, связанные с высокой неопределенностью и размытостью критериев предоставления амнистии, прежде всего от уголовной ответственности, помимо отрицательного эффекта служат также сокращению возможностей использования программы в качестве инструмента конкурентной борьбы, а также способа отвлечь внимание от более успешного картеля.

Вместе с тем при условии совершенствования процедуры освобождения от уголовной ответственности запрет получения амнистии для организаторов и лидеров картеля, а также ограничения на амнистию для компаний, участвующих в нескольких картелях, могут служить способом снижения нежелательных стимулов.

Таким образом, хотя версия программы освобождения от ответственности, утвержденная в 2009 г., с точки зрения воплощенных в ней структурных альтернатив и создаваемых стимулов больше отвечает целям ее внедрения, чем версия 2007 г., вопрос ее дальнейшего совершенствования по-прежнему остается актуальным.

Кризис и монополии

Б.А. Лавровский

or@fb.nstu.ru

В самый разгар современного кризиса в мае 2009 г. мы писали, что «мировой кризис в основном можно будет считать преодоленным, когда значение индекса Dow Jones Industrial Average устойчиво превзойдет уровень 11 000 – 12 000 пунктов, индекса Nasdaq-100 – 2000 пунктов»¹.

К настоящему времени (февраль 2012 г.) значения упомянутых индексов время от времени достигают и превышают заданные уровни (границы), но систематически скатываются вниз. Ни о какой устойчивости не может быть и речи. Кризис с этой точки зрения не преодолен, мировая экономика действительно находится в зоне высокой турбулентности.

К вопросу об объективном и субъективном

В связи с кризисами вообще неизбежен общий вопрос: какое же явление можно считать обусловленным сугубо объективными, а какое – субъективными обстоятельствами? И по каким признакам их можно разделить? Представляется, что разделительной полосой здесь может служить наличие или отсутствие цели, сознательного начала (воли). Или иначе: всякое объективное суть порождение стихии, субъективное, сознательное – разума.

Поясню на примере, относящемся к традиционному сюжету «о сотворении». Если говорят, что в провинциальной части одной из галактик (стихийно, случай-

но, сами по себе) сложились условия, которые сделали возможным появление жизни, а затем и человека, то в таком случае речь, видимо, идет исключительно об объективных процессах. Если там же (намеренно, сознательно) созданы условия для появления жизни и человека, то в этом случае уместно говорить о субъективных процессах.

Применительно к экономической материи объективное начало воплощено, скажем, в законах стоимости, спроса и предложения. Эти законы порождены самой рыночной стихией, являются условием ее существования; никем не навязаны извне, нет злой или доброй воли.

Воспроизводство товара (услуги) предполагает обязательное соответствие интересов продавца и покупателя. Рыночная цена, призванная это соответствие обеспечить, обладает следующим свойством: предельный производитель еще способен возместить ею свои издержки производства, а предельный потребитель уже не готов оплатить товар (услугу) за цену, большую рыночной.

В соответствии с уровнем рыночной цены происходит упорядочение всей совокупности потенциальных производителей и потребителей. Иначе говоря, формируется множество агентов, реально участвующих в процессе производства и распределения при сложившейся цене – p , и одновременно отсекаются (временно или постоянно) потенциальные продавцы и покупатели, не готовые, по условиям используемых технологий и бюджета, ей соответ-

¹ Лавровский Б.А. Гипотеза о природе современного мирового финансово-экономического кризиса. – ЭКО. – 2009. – № 5. – С. 63–75.

ствовать. Тем самым «вне игры» при цене p оказываются производители с издержками, превышающими p , и потребители, у которых бюджетные ограничения жестче предельных.

Рыночная цена, послушно следуя за конъюнктурой рынка, в каждый данный момент механически балансирует платежеспособный спрос совокупного потребителя и совокупное предложение реальных производителей. Скажем, рост спроса при данном объеме предложения смещает уровень рыночной цены вверх, позволяя вовлечь в процесс воспроизводства производителей с издержками выше p , тем самым обеспечивая равновесие на новом витке. Одновременно трансформируется множество реальных агентов воспроизводства. При этом каждый из членов триады спрос–предложение–цена не является независимой (автономной, экзогенной) величиной: каждый определяется рынком во взаимосвязи и одновременно.

В рыночном хозяйстве цене отводится роль не только инструмента достижения равновесия (баланса) и регулятора, пассивно отображающего интересы и взаимоотношения продавцов и покупателей. Цена активно формирует конъюнктуру рынка. Скажем, рост спроса и цены имеет следствием дополнительные инвестиции в отрасль, соответственно, рост предложения и ... снижение цены.

Изменение цены может быть односторонним только на ограниченном временном отрезке. Как рост, так и снижение цены приводят в действие механизмы, препятствующие дальнейшему росту (снижению), заставляющие неизбежно менять знак, направление ее движения. Колебательные движения цены – это имманентное свойство рыночной экономики.

Ценовой тренд

Вариация предполагает существование некоторого среднего значения (общей тенденции, тренда), вокруг которого и происходят колебания. Экономическая природа ценового тренда служит предметом дискуссий в течение столетий.

Для нас центральным в рассматриваемом соотношении объективного и субъективного будет вопрос об амплитуде и частоте колебаний. Одно дело, когда размах колебаний умеренный, лежит в естественных границах, центростремительные силы возрастают по мере удаления от среднего значения (центрального тренда), другое – когда амплитуда «запкаливает» и происходит длительная задержка (при неизбежном, впрочем, возврате к генеральной тенденции).

В модели совершенной конкуренции, где множества производителей и потребителей, выражаясь математико-статистическим языком, однородны, отсутствуют существенно выделяющиеся из общей массы акторы, развитие спроса и предложения происходит исключительно в соответствии с рыночными сигналами, естественными условиями. В рамках этой модели справедливо следующее утверждение: чем больше отрезок времени, в течение которого цена меняется в одном направлении (чем сильнее ее значение отклоняется от некоторого среднего значения), тем значительнее противодействие этому направлению движения. Амплитуда колебаний цены не может быть чрезмерной, отклонение от среднего значения – длительным.

Рыночная цена в этой модели нейтральна к интересам игроков (равноудалена), у игроков отсутствуют возможности манипулировать ею в своих интересах. Доминируют объективные законы.

В рыночном хозяйстве всегда существует различие в издержках производства между товаропроизводителями, использующими высокие и общественно-нормальные технологии. Важным свойством модели совершенной конкуренции является то обстоятельство, что избыточная прибавочная стоимость (по К. Марксу) не «застаивается»: ускользает, растворяется, не превращается в постоянную ренту. Особые условия, технические и технологические новинки постепенно, но неизбежно становятся достоянием большинства товаропроизводителей.

Иное дело – несовершенная конкуренция. В монополистической среде производителей продукции появляются особые возможности и мотивы. Например, искусственно (специально) сокращать масштабы предложения. В этом случае цена p^* , в соответствии с законом механически балансирующая платежеспособный спрос и новое предложение, будет, очевидно, больше p . И это различие устойчиво сохраняется, а цена p^* уже не является нейтральной – она «играет на стороне производителя», принося ему дополнительную удельную прибыль, т. е. монопольную ренту (в размере $p^* - p$).

Патология

Возможность манипулировать ценой появляется тогда, когда ее объективное свойство и предназначение осуществлять баланс, равновесие, накладывается на изначально деформированную, отклоняющуюся от естественных пропорций (по тем или иным причинам) структуру спроса и предложения. Если эти причины искусственно порождены эгоистическими мотивами, вполне осознанными намерениями, мы говорим о субъективных факторах, порождающих «экономическую патологию».

На фондовом рынке патология конструируется следующим образом. Поскольку наряду с мелкими и средними инвесторами присутствуют игроки с крупными и сверхкрупными капиталами, возможности последних позволяют им провоцировать остальных участников рынка к покупке тех или иных акций отдельных предприятий или сегментов экономики (вполне возможно, перспективных, но необязательно). Для этого необходимо увлечь основную массу инвесторов, показать убедительный пример, отчетливо сформировав повышательный тренд в том или ином сегменте. Заметив тренд, туда устремляются многочисленные и не всегда искупленные инвесторы и усиливают первоначальную тенденцию. Постепенно нарастает ажиотаж, умело аранжируемый и подогреваемый современными коммуникационными средствами². Архитекторы новой тенденции (с приобретенными по бросовым ценам акциями) с рынка уже ушли, но «процесс пошел»: курсовая стоимость акций заметно (и подчас надолго) отрывается от своего реального экономического фундамента. Разрастается пузырь.

Все имели возможность наблюдать подобную картину в 2000 г. применительно к акциям «новой экономики». Что рентабельность большинства интернет-компаний была минимальной или даже нулевой, не имело никакого значения – курсовая стоимость их акций росла беспрецедентным темпом.

² Здесь действует психологический фактор, или то, что называют «контагиозным возбуждением по поводу инвестиционных перспектив» (Дэниел Ергин) Цит. по: Что означает снижение цен на нефть для мира ("The Financial Times", Великобритания), 11/11/2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20081111/245270.html>

Чтобы превратить огромный накопленный таким образом фиктивный капитал в реальные активы, есть только один способ – сбросить на пике цен достаточную массу бумаг. Начинаются паника и лавинообразное падение курсовой стоимости акций. Важно понять, что в процессе биржевого краха деньги не сгорают, как об этом часто пишут, а перераспределяются. Фиктивный капитал трансформируется в совершенно реальные активы отдельных игроков. Источником «новой прибыли» здесь выступают не пресловутые «будущие доходы», а действительная эксплуатация не самых привлекательных человеческих качеств³.

Биржевой крах и кризис

Биржевой крах приводит к тотальному дефициту ликвидности со всеми вытекающими отсюда последствиями для динамики спроса, цен и пр. Но не обязательно к региональному, тем более мировому кризису. Например, падение в начале века высокотехнологичного индекса NASDAQ Composite на $\frac{3}{4}$ осталось практически не замеченным в России (серьезно пострадал, пожалуй, по понятным причинам только «Норникель») – не те масштабы новой экономики. Другое дело – кризис сегодняшний.

О зловещей роли деривативов в развитии кризиса написано много. Известный финансист Уоррен Баффетт даже назвал производные финансовые инструменты «финансовым оружием массового пораже-

ния», «минами замедленного действия»⁴. Но не все отечественные специалисты склонны в оценках финансовых инструментов заходить так далеко. Проблемы, оказывается, возникают тогда, «когда эти инструменты используются неправильно: в рамках проведения неадекватной экономической политики людьми, не отдающими отчет в своих поступках»⁵.

Ну вот, диагноз и поставлен: все дело в невменяемых людях! В действительности речь идет о структурах, прекрасно усвоивших механизмы осуществления объективных законов спроса и предложения, социальной психологии, едва ли не научившихся использовать их в своих интересах (не путать с мрачными мафиозными кланами, дергающими за ниточки за кулисами мирового финансового театра). Разумеется, в развитии кризисных ситуаций огромна роль такого инструмента, как современные компьютерные технологии, обеспечивающие техническую возможность и простоту выхода на фондовые биржи.

Итак, возможность использовать объективные законы экономики в эгоистических интересах отдельных игроков – хотя бы ценой и мирового кризиса, существует. Другой вопрос – «налаживают» ли эти игроки специальную деятельность для превращения возможности в реальность или все происходит спонтанно? Любое суждение по этому поводу, по-видимому, невозможно ни доказать, ни опровергнуть. А это означает: вопрос плавно переходит из сферы научного познания в область веры. Чем не аналогия с «сотворением»?

⁴ Библиотека оценщика // Форум. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old-opec.hse.ru/news_doc.asp?d_no=35538

⁵ Алексапенко С. Кризис-2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 25.

³ Как известно, у овец практически нет постоянного вожака. Его функцию по воле человека выполняют козлы. При этом они натренированы водить овец не только на пастбище, но и на бойню. Приближаясь к воротам, ныряют в небольшие дверцы сбоку, сделанные специально для них, отправляя своих последователей на заклание. Источник: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj...> <http://paganism.ru/alenivan.htm> <http://www.home-edu.ru/user/f/00000545/x...>

И. Гирсон

Предложенные мысли о новом подходе к пониманию сущности «конкуренции-монополии» интересны для более глубокой дискуссии, так как хорошо вписываются в современную трактовку и новый подход к анализу и критике всей современной капиталистической системы.

Предложения к семинару направлены на определенный сегмент специалистов, которые уже работают в области антимонопольного регулирования, но дискуссии на эти темы станут более насыщенными и академически плодотворными, если связь между монополией и более широкой темой анализа капиталистической системы также будет обсуждаться.

Во-первых, капиталистическая система производства в последнее время находится под пристальным вниманием в результате постоянных кризисов и неспособности системы привести себя в более устойчивое

состояние равновесия. В академических кругах активно обсуждается мысль о том, что эта система по своему существу нестабильна и должна быть заменена. Все чаще появляются публикации с риторическими названиями «Почему Маркс был прав?» и «Не рано ли мы похоронили Маркса?», который предвидел многие слабости капиталистической системы и в особенности финансовую нестабильность рынков. Но ради объективности стоит добавить, что данные мнения не являются преобладающими.

Одна из слабостей современной экономической системы – это уход от руководящих принципов целей производства. Д. Бентхам, например, утверждал, что главная цель бизнеса *the greatest good for the greatest number* (наибольшее благо для большинства), вместе с тем эти цели не всегда универсально приемлемы рынком.

* * *

Глобализация экономической активности привела к новому раунду дискуссий о сущности конкурентных процессов. В настоящее время сложилось понятие глобализации в развитии, подчеркивающее процесс постоянного изменения бизнес-среды.

Все чаще в академических кругах обсуждаются вопросы о том, что система свободного рынка не работает эффективно. Намечилась активная тенденция олигополизации рынков и обоснования необходимости поддержания такой рыночной структуры, которая становится более экономически предсказуема, с менее низкой степенью рисков. Среди крупных компаний прямое соперничество сменяется сотрудничеством. Крупные компании – ведущие игроки рынка – функционируют не как отдельные эко-

номические субъекты, а как глобальные организаторы бизнес-систем, обеспечивающие более высокую эффективность через сотрудничество и эффект синергии.

Важно отметить, что нередко данное сотрудничество носит выборочный характер, не предполагает совместные антиконкурентные действия и осуществляется преимущественно для повышения социальных стандартов общества и благосостояния граждан. Крупные компании формируют партнерство на основе совместной инновационной деятельности в целях обеспечения более высокой ценности для потребителя.

Все чаще в кругу компаний, обладающих рыночной властью или формирующих некоторое олигополистическое ядро, появляются предложения для регуляторов

о необходимости более жесткого контроля за границами олигополий, обеспечивая тем самым для себя систему свободного рынка и жесточайший контроль и надзор за его пределами. Аргументы в пользу недопустимости разрушительной конкуренции имеют своих сторонников. Однако избранный подход к различно структурированным рынкам может привести к искаженным последствиям для самих крупных игроков.

Второй важный аспект рассматриваемого вопроса заключается в том, что капиталистическая система слишком долго зависела от двух факторов – return on equity (ROE) (доходность капитала компании) и конкуренции, которые слишком узки для измерения успеха фирмы.

Новые параметры, которые помогают анализировать и измерять экономический успех компании, например **индекс благополучия** как сотрудников непосредственно самой компании, так и интегрированных в спектр ее экономического взаимодействия контрагентов, а также потребителей, – становятся более приемлемыми и популярными. *Третий аспект данной темы:* слишком долго жизнеспособность рынка определялась его конкурентоспособностью, но различ-

ные исследования демонстрируют, что в современной экономике главный источник конкурентоспособности рынка – это инновации. Основным стимулом трансформации конкуренции заключается в том, что в инновационной, глобальной экономике создание и приращение ценности все более основывается на нематериальных активах – идеи, разработки, знания. Традиционные модели завоевания рынка компанией, удержания или укрупнения ее рыночной ниши вытесняются новой формой – развитие активов НИОКР, обеспечивающих конкурентоспособность, увеличивается посредством развития collaborative relationship (сотрудничества).

Инновации также ведут к сотрудничеству и это существенно меняет классическую парадигму: вместо конкуренции рынок начинает переходить на более комплексную систему взаимосвязи, где фирмы одновременно конкурируют и сотрудничают друг с другом для достижения своих экономических целей.

Именно отход от соперничества компаний к сотрудничеству и является важнейшим контекстом, в котором будут создаваться новые элементы антимонопольной архитектуры.

Конкуренция и антимонопольное законодательство как результат эволюции общества

И.И. Максим

Развитие рыночных отношений, конкуренция и рыночный отбор сильнейших вели к укрупнению производства, концентрации капитала и во многих случаях к естественному следствию – монополизации экономики. Монополия, возникнув из конкуренции, приводит к ограничению конкуренции. Монополия по своей приро-

де противоречит основам государства с рыночной экономикой. В ответ государство приняло меры по регулированию конкуренции и структуры рынков посредством законодательства.

Есть множество мнений за и против конкуренции и о самом понятии конкуренции, но является очевидным, что для

того, чтобы разобраться с понятием конкуренция, данное понятие нельзя и не следует рассматривать только с экономической или юридической точки зрения. Понимание понятия конкуренции требует системного подхода. Рассмотрение конкуренции только как процесса или состояния не позволит понять всю сложность данного понятия, и поэтому конкуренцию необходимо рассматривать одновременно двусторонне: как процесс, происходящий на рынке, и как состояние рынка.

Конкуренция, конкурентная борьба – это всегда конфликт между участниками рынка, но эти конфликтные отношения являются естественным атрибутом и двигателем процессов развития экономики. Так как взаимодействия происходят в рамках одной системы, это скорее неантагонистический конфликт, связанный с соперничеством при достижении одинаковых интересов, которые являются полезными для общества. Однако, в некоторых случаях неантагонистический конфликт может перерасти в антагонистический конфликт между участниками рынка, и в данном случае требуется незамедлительное вмешательство надсистемы (государства). Государство, поддерживая конкуренцию, не ставит целью поддержку конфликтов, целью является повышение благосостояния граждан. Конкуренция в данном случае инструмент, используемый для достижения целей экономического и социального характера.

Конкурентную борьбу нельзя рассматривать вне законодательного поля, так как роль государства в регулировании экономики посредством влияния на конкурентные отношения является неоспоримой. Само осознание необходимости поддержки конкуренции государством появилось на определенном этапе развития общества и госу-

дарства. Антагонистический конфликт, который возникает в обществе в связи распределением доходов и ресурсов без вмешательства надсистемы (государства), может привести к разрушению самой надсистемы. К примеру, капиталистические страны, не имеющие антимонопольного законодательства, практически не смогли избежать революций и восстаний.

Следует заметить, что антимонопольное законодательство появилось и изменялось под воздействием понятия конкуренции. Влияние различных школ на развитие понятия конкуренции неоспоримо, но законодательную базу конкуренция получила только на определенном этапе развития общества, когда государство осознало, что для его существования необходимо выполнять социальные функции, гарантировать равные возможности и экономическую свободу граждан.

Противники конкуренции считают антимонопольное законодательство аморальным, так как наказывает бизнесменов за мнимые преступления, за достижение слишком большого успеха. Однако во имя справедливости, считают они, такие лидеры заслуживают не гонений и преследования, а восхищения и правовой защиты.

Для того чтобы разобраться с этой проблемой, как уже отмечалось ранее, требуется системный подход, и необходимо ответить на несколько вопросов: к примеру, какова природа монопольной власти и конкуренции, какая модель конкуренции находится в основе применяемого законодательства.

Рассматривая понятие конкуренции, особое внимание следует уделить социальной ценности конкуренции, и в данном случае вопрос имеет более глубокий характер: что ставится во главу угла – индивидуализм или коллективизм.

Индивидуализм, основанный на эгоизме, служит основой капитализма и поддерживает концепцию свободы личности. Коллективизм же проповедует альтруизм и ставит во главу угла лишь обязанности перед коллективом. Крайности (чистый эгоизм или альтруизм) не позволяют видеть всю картину. Индивидуализм, основанный исключительно на эгоистических побуждениях, не является характерным всем представителям человечества, как и альтруизм. Но человек является больше порождением коллективной структуры, и, не уменьшая важности свободы личности, следует отметить, что конкуренция важна своей социальной ценностью, которая отражается в своем воздействии на общее благосостояние. Таким образом, именно коллективизм послужил основой для антимонопольного законодательства.

Говоря о монополии, нельзя судить о ней, не зная природы монопольной власти, так как монополии имеют различные источники. Некоторые монополии являются инновационными, другие – государственными или натуральными. Возникает вопрос, насколько морально оправданы те бизнесмены, которые добились своего монопольного положения благодаря коррупции и поддержке государственных структур.

Необходимо отметить особую роль теории реальной конкуренции, выдвинутой Дж. Кларком, которая кроме антимонопольного законодательства в США повлияла также на законодательство и юридическую практику Европейского Союза. На сегодняшний день можно говорить и о Брюссельской школе, в соответствии с которой конкуренция имеет несколько целей. Во-первых, политическую: уступка части суверенитета государства привела к созданию единого рынка. Во-вторых, экономическую: повышение эффективности рынка посредством конкуренции, и, в-третьих, моральную и социальную функции, которые материализуются в равных возможностях экономических операторов из разных стран.

На эволюцию и развитие понятия конкуренции повлияли не только экономические школы, но и социология, философия. К примеру, поведенческий подход М. Вебера, основанный на честном соревновании бизнесменов, был законодательно закреплён посредством санкционирования нелегальной конкуренции.

Конечно, конкуренция является неотъемлемой частью нашего общества, и ее изменения движутся в направлении изменения общества стремительно и динамично.

* * *

В.М. Фигуровская
philos@nsuem.ru

Как утверждал А. Смит, великие нации никогда не беднеют из-за расточительства и неблагополучия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительства и неблагоразумия государства. Известно, что всякое высказывание, вырванное из контекста, обычно трактуется неоднозначно. Можно ли его в полной мере отнести к эконо-

мической ситуации, сложившейся в России в 90-е гг. XX в. и во многом сохраняющейся сегодня? Во всяком случае, когда речь идет о рассмотрении «монополии-конкуренции» как понятия, смысл которых раскрывается именно через их сопряжение, а не в абсолютном противопоставлении, сущность современного рынка невозможно понять не

только вне отношений легитимности, установленных государством, но и вне социальной справедливости, без которой свобода превращается в войну всех против всех. Поэтому сами категории «монополия», «конкуренция», «олигополия» приобретают существенно иное значение по сравнению с их классическими определениями. Здесь было бы уместно обратиться к методологии экзегезиса, но мы это сделаем в другом месте. А пока, говоря о монополии, мы понимаем, что речь идет о власти одного (моно – один, полиа; полис – государство, власть). И хотя в научных теориях реальные (естественные) объекты репрезентированы идеальными, в теориях социальных государство есть и объект, и субъект, следовательно, оно как субъект осуществляет власть, выражая те или иные интересы. Фактически олигополия выступает как форма сращивания рыночной монополии с государством как субъектом властвования, тем самым легитимируя свою единственную власть на рынке. Что касается конкуренции (состязание, соревнование), эта категория имеет скорее естественное происхождение, обозначая естественный отбор и борьбу за выживание видов. Однако в социальной ситуации и это понятие приобретает существенно иной смысл. Как тип социальных отношений конкуренция вообще обезличена, но как реальное взаимодействие

она предполагает отношения между людьми с их знаниями, переживаниями, представлениями о добре и зле, справедливости, совести, долге, ответственности. Почему вместо социального перераспределения совокупного национального продукта выгоднее говорить о меценатстве, благотворительности, отдельных именных социальных проектах? Не есть ли последнее тем самым проявлением олигополии, с одной стороны, и унижительным противопоставлением богатых бедным – другой, что как бы закрепляет неизбежность социального расслоения «на вечные времена»? Я думаю, что все-таки пора экономистам признать: экономические теории – это не просто науки о товарных отношениях и продвижении товаров на рынке, но это должна быть наука о людях, участвующих в производстве условий их общей жизни, то есть в создании культурной среды, формирующей, воспитывающей Человека духовного, мыслящего, ответственного за себя и за других. В конце концов, если при возникновении экономического кризиса, как это происходит сегодня, сам рынок не может с ним справиться, государство принимает на себя ответственность за судьбу страны, почему оно в мирное время функционирования рынка не вырабатывает механизма для сбережения народа как благополучного социума.

О роли монополии в жизни общества

Ю.Е. Фигуровская
juderry45@yandex.ru

Трудно согласиться с утверждением, что *при определенных условиях монополия является важным элементом эффективности общества*: на рынке, сколь *застойным* он бы ни был, конкуренты есть всегда. Именно они

проводят конкурентный анализ и исследуют ключевые факторы успеха на рынке вообще и у временного монополиста – в частности. Предприятия, следующие за лидером, стремятся всегда привнести в созда-

ваемый продукт то, что затем даст им неоспоримое, пусть и временное, лидерство на рынке.

Чем сильнее и продолжительнее монополия какого-либо производителя, тем более явные конкурентные преимущества товаров-субститутов создают его конкуренты. Пример: Microsoft и сменившие его Apple и Samsung. Весьма сомнительно, что создатели субститутов при этом руководствуются только соображениями «большого удобства для потребителя». По мнению Харви Лейбенштейна, современного американского экономиста, автора теории X-эффективности в экономике (концепции эффективности функционирования фирмы), у монополии нет стимулов поддерживать эффективное производство.

Значение монополии, по-видимому, в том, что она сама рождает конкурентов. Ибо безраздельная монополия – это смерть, стагнация, состояние неравновесности, а конкуренция – это жизнь, развитие и, как ни парадоксально, равновесие.

Монополия сама себя убивает. Результатом монополистического присутствия (будь то экономическое, политическое или религиозное полноправное, бесконкурентное состояние) всегда является появление чего-то принципиально нового; даже не просто товара-субститута, а нового, доселе неведомого, но обязательно представленного двумя или более конкурирующими течениями (продуктами).

Австрийский экономист и политический философ Ф. фон Хайек понимал конкуренцию как «процедуру открытия». По его мнению, предпринимателю, который ориентируется на повышение или понижение цен на ресурсы и производимые

с их помощью блага, важно понять, в каком направлении нужно действовать, что, как и для кого производить. На рынке только благодаря ценам и конкуренции скрытое становится явным.

Парадоксальна ситуация на многих нынешних застойных рынках. Существующие на этих рынках малочисленные производители (автомобилей, бытовой техники и проч.), вместо того чтобы совершенствовать свой товар и именно этим привлекать новых покупателей, которых можно *оторвать* от соперников, стремятся к *ухудшению* качества. Явление вполне объяснимое: чтобы увеличивать количество продаж, товаропроизводитель заинтересован в том, чтобы покупались «свежевыпущенные», обладающие новыми, доселе неизвестными характеристиками, товары, а не ремонтировались старые, купленные лет пять назад. Таким образом, олигополия тоже себя показывает не в самом выгодном свете.

Согласно мнению Ричарда Познера, одного из влиятельнейших ученых в правовых и экономических движениях США, монополии создают дополнительные затраты на завоевание и поддержание монопольного положения.

Монополия, по сути, является временным состоянием; она сама порождает конкуренцию. Имперский тоталитаризм всегда заканчивается развалом; господство какого-либо экономического субъекта прекращается появлением (зарождением в недрах!) новых, обязательно конкурентно соперничающих субъектов. По мнению Арнольда Харбергера, президента Американской экономической ассоциации (1997), присутствие монополии на рынке ведет к необратимым потерям благосостояния общества.

Монополия, несмотря на свое тоталитарное господство, сама в недрах своих рождает конкуренцию.

Монополия, несмотря на свое кратковременное господство и – исходя из этого – устойчивое положение, является, в своей

сути, состоянием неустойчивости, зыбкости, поскольку не имеет противовеса. Только конкуренция, приходящая всегда ей на смену, порождает некую уравновешенную стабильность, баланс сил.